

Хань Цицин заслонил Чжоу Туна собой и шагнул навстречу прибывшему.

— Кузен Цивэй, уже вернулся из Ханчжоу?

— Давно вернулся, — Хань Цивэй смерил кузена пристальным, многозначительным взглядом, выискивая хоть малейшие следы ранений, но так ничего и не нашёл.

Многие в клане знали: перед отъездом Хань Цицина старая госпожа Хань разложила для него гадание. Выпал знак величайшего несчастья — предзнаменование кровавой гибели, сулившее верную смерть, из которой почти невозможно выпутаться. Хань Цивэй втайне надеялся, что кузен свернет себе шею. Ну, или хотя бы вернется калекой — лишится руки, ноги, ослепнет или онемеет. Но тот стоял перед ним целый и невредимый.

Узнав о возвращении Хань Цицина, Хань Цивэй сразу же бросился сюда. Но радостное предвкушение мгновенно испарилось, стоило ему увидеть кузена, пышущего здоровьем и силой.

Сейчас в молодом поколении клана Хань на место главы претендовали только они двое. Нынешний временно исполняющий обязанности главы, Хань Чи, приходился Хань Цивэю родным отцом. Казалось бы, сыну унаследовать дело отца — самое естественное решение. Но Хань Цицин, прикрываясь статусом старшего законного внука, мертвой хваткой вцепился в право преемника. Он давно стал для Цивэя костью в горле. Тот безумно хотел избавиться от соперника, но отец, упрямо чтивший семейные правила, строго-настрого запретил ему даже пальцем трогать кузена.

Подавив вспышку злости, Хань Цивэй перевел взгляд на стоящего позади Чжоу Туна.

— А это что за посторонний? Я его раньше в поместье не видел. Ты же знаешь отцовский приказ: не приводить в дом чужаков.

— Для тебя он посторонний, а для меня — нет, — холодно отрезал Хань Цицин. — Довольно разговоров, мне пора засвидетельствовать почтение бабушке.

— Какое совпадение, — расплылся в улыбке Хань Цивэй. — Я как раз собирался к ней. Посидим вместе, поболтаем. Заодно послушаю о твоих странствиях. Небось натерпелся страху в дороге?

Он повернулся к Чжоу Туну:

— А как мне называть вашего спутника?

— Чжоу Тун.

— Чжоу Тун? «Все дороги ведут во все четыре стороны» — прекрасное имя! — Хань Цивэй уставился на него зловещим прищуром.

Чжоу Тун лишь вежливо улыбнулся в ответ и спокойно отвел взгляд, продолжая расспрашивать Хань Цицина об убранстве поместья. Казалось, он совершенно не заметил враждебности. Хань Цивэй растерялся. Обычно простые люди робели под его тяжелым взглядом даосского мастера, а этот парень просто проигнорировал его?

— Меня зовут Хань Цивэй, — вновь заговорил он, пытаясь привлечь внимание Чжоу Туна. — Мой кузен вечно занят делами клана. Если захотите осмотреть поместье или Южный остров, обращайтесь ко мне, я здесь каждый угол знаю.

— Благодарю за любезность, — вежливо, но отстраненно отозвался Чжоу Тун.

Хань Цицин прервал поток его красноречия:

— Бабушка уже проснулась. Сначала зайдем к ней.

— Разумеется, кузен. Всё, как ты скажешь, — улыбнулся Хань Цивэй.

По дороге Хань Цивэй то и дело пытался завязать разговор с Чжоу Туном, явно надеясь переманить его на свою сторону. Раз уж Хань Цицин притащил этого парня в семейное гнездо, тот явно был либо способным мастером, либо очень близким другом. В любом случае, заручиться его поддержкой было бы выгодно. Цивэй из кожи вон лез, пуская в ход все свое обаяние.

Однако все его усилия пропадали впустую, словно удары по мягкой вате. Чжоу Тун легко поддерживал любую тему, но постепенно Хань Цивэй с ужасом осознал, что нить разговора ускользает из его рук. Когда они наконец замолчали, Цивэй похолодел от внезапной мысли: за какую-то пару минут он выболтал этому незнакомцу едва ли не всю свою подноготную, едва не выдав самые сокровенные секреты.

Вздвогнув, Хань Цивэй благоразумно прикусил язык.

Чжоу Тун лишь слегка улыбнулся. Ему просто хотелось проучить наглого парня, никакого интереса сам Хань Цивэй у него не вызывал. Заметив, что попутчик притих, он спокойно вернулся к беседе с Хань Цицином. Вскоре они подошли к дверям покоев старой госпожи Хань.

Хань Цицин тихонько постучал. Из-за двери показалась голова смышленного мальчишки-слуги. Увидев гостя, тот радостно заулыбался:

— Брат Цицин, ты вернулся! Пришел навестить бабушку? Она только что о тебе спрашивала, заходи скорее!

Широко распахнув дверь, он впустил Хань Цицина и с любопытством уставился на Чжоу Туна.

— Это мой друг, — представил его Цицин.

— Друг? — глаза мальчишки загорелись восторгом. — Пожалуйста, проходите! Брат Цицин так редко приводит гостей!

Чжоу Тун запустил руку в карман, выудил плитку шоколада и протянул малышу:

— Держи, малец. И спасибо за прием.

Мальчик замер, уставившись на лакомство, и в тот же миг его взгляд изменился. Из-под его одежды с тихим хлопком показался пушистый лисий хвост, который принялся возбужденно вилять из стороны в сторону.

Чжоу Тун едва сдержал смех, решив пощадить гордость маленького лисьего духа Сяо Ли.

Замыкавший процессию Хань Цивэй нахмурился и прикрикнул:

— Опять лисий хвост распустил?!

Маленький лисенок мгновенно развернул обертку, отправил кусочек шоколада в рот и, уплетая угощение за обе щеки, с грохотом захлопнул дверь прямо перед носом Хань Цивэя:

— Не твое дело!

Хань Цицин даже не обернулся на шум. Он отодвинул тяжелую бамбуковую занавесь и повел Чжоу Туна во внутренние покои.

Там, у ткацкого станка, сидела пожилая женщина. Перед ней лежало неоконченное полотно с вышивкой «Ода весеннему пиону». пышные алые цветы казались живыми, а на лепестках дрожали прозрачные, словно настоящие, капли росы.

Старушка сосредоточенно вела иглу с нитью через ткань.

— Цицин, это ты? — спросила она, не поднимая головы.

— Бабушка.

— М-м.

Ее пальцы не останавливались ни на миг.

— Кто этот юноша рядом с тобой?

— Это тот самый мастер, который помог мне пережить бедствие, — почтительно ответил Хань Цицин.

Старушка вздрогнула. Игла замерла, вонзившись в полотно. Она медленно повернула лицо к Чжоу Туну.

Только в этот момент Чжоу Тун понял, что старая госпожа Хань слепа. До этого он ощущал тончайшие, как шелковые нити кокона, потоки энергии, окутывающие ее тело. Он думал, что это результат даосских дыхательных практик, но теперь осознал: с помощью этой духовной силы слепая женщина создавала свои шедевры.

Вышивать сложнейшие картины, ориентируясь лишь на колебания ци — поистине божественное мастерство.

Старушка нахмурилась, но промолчала. Лишь слегка кивнула Чжоу Туну и снова принялась за работу.

— Что принесло тебе это странствие? Есть ли успехи? — спросила она кузена.

Хань Цицин подробно рассказал историю призрака Тан Жоу. Выслушав его, старушка со вздохом покачала головой:

— Горькая судьба, злой рок... Ничего не поделаешь.

Она отложила иглу и позвала:

— Сяо Ли, принеси ту золотистую нить, что я оставила вчера на шкафу.

— Сейчас, бабушка! — звонко отозвался лисенок и убежал.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвался раздосадованный Хань Цивэй.

— Бабушка! Этот несносный лисеныш опять надо мной издевается! Зачем ты вообще держишь этого зверя у дверей?

— Тише! — строго оборвала его старушка. — У нас гости, имей же уважение!

Хань Цивэй недовольно прикусил язык, бросив обиженный взгляд на слепую родственницу.

Из соседней комнаты донесся голосок Сяо Ли:

— Бабушка, ты опять все перепутала! Ниток нет на шкафу, они в ящике у книжной полки!

— Вот как, — старая госпожа Хань тихо вздохнула. — Старею, память совсем подводит.

Продев нить, она продолжила вышивать, а затем спросила Хань Цицина:

— Цицин, ты ведь привел своего друга не просто так. Говори, что у вас за дело.

— Да, бабушка, — Хань Цицин почтительно склонился. — Отец Чжоу Туна — Чжоу Да. Возможно, ты помнишь это имя?

— Чжоу Да... — старушка на мгновение задумалась, затем покачала головой. — Людей с таким именем немало, откуда мне знать, о ком речь.

— Но человека, заслужившего твоё уважение, звали именно так, — тихо произнес Чжоу Тун. Из его уст это прозвучало бы дерзко, будь на его месте кто-то другой, но имя Чжоу Да говорило само за себя.

Старая госпожа Хань согласно кивнула:

— Да, я помню его. Двадцать лет назад он одолжил нашему клану печать, чтобы помочь сдержать натиск Иньских воинов на Тракте Циньского Вана в Шэньси.

— Все верно, — подтвердил Чжоу Тун. — Тот артефакт — семейная реликвия. Мой отец при жизни держал лавку, но после его смерти я так и не нашел печати среди его вещей. Ее нам так и не вернули.

— Странно, — нахмурилась старушка. — Насколько я помню, дело с Иньскими воинами было улажено еще двадцать лет назад.

— Бабушка! — вмешался Сяо Ли. — Опять ты путаешь! Все решилось только семь лет назад! Печать все это время оставалась на Тракте Циньского Вана для подавления нечисти. Дядя

Хань Чи окончательно изгнал воинов только семь лет назад и тогда же забрал печать в поместье!

— И где же она сейчас? — спросила старушка.

— Бабушка, сегодня такой прекрасный день! — засуетился Хань Цивэй, пытаясь отвлечь старушку. — В саду как раз распустились пионы. Позволь мне покатать тебя на коляске, подышишь свежим воздухом!

— Насчет печати... — Сяо Ли проигнорировал попытки Цивэя перебить его и, массируя ноги старой госпоже, протянул загадочным тоном: — Я не знаю, где она сейчас. Это ведь не в моей власти.

Хань Цивэй замер, боясь встретиться взглядом с лисенком.

— Вот как, — старая госпожа Хань сделала последний стежок на лепестке пиона и подвела итог: — Дождемся возвращения Хань Чи, я сама его спрошу.

Она отложила шитье. Сяо Ли послушно отодвинул станок. Старушка повернулась к внуку:

— Цицин, останься. Сяо Ли, проводи нашего гостя в его комнату.

— Слушаюсь, бабушка!

Когда за Чжоу Туном закрылась дверь, старая госпожа Хань долго молчала. Хань Цицин взволнованно ждал, гадая, в чем провинился. Наконец старушка вздохнула и многозначительно спросила:

— Цицин, ты уверен, что именно этот человек помог тебе спастись?

— Да, бабушка, — твердо ответил юноша.

— Его духовная энергия рассеяна. Он не похож на практика, способного поглощать ци. Более того, вокруг его поясницы обвивается странная сила... Ни светлая, ни темная, она веет чем-то зловещим. Как ты можешь быть уверен в нем?

— Когда ты отправила меня в город А к тетушке за предсказанием, именно подаренный ею нефритовый амулет указал на него.

— Ее амулет? — старушка холодно усмехнулась. — Детские игрушки.

Хань Цицин открыл было рот, чтобы возразить, но, взглянув на сгорбленные плечи слепой женщины, смолчал.

Старушка мягко взяла его за руку, поглаживая ладонь, словно драгоценный нефрит.

— Цицин, Цивэй глуп и слаб, но его амбиции безграничны, а помыслы нечисты. Будущее клана Хань должно принадлежать тебе. Я знаю, что ты отдаешь все силы тренировкам и мало смыслишь в людских интригах. Но ты уже вырос, и пора понять: в этом мире мало обладать силой, нужно уметь видеть людей насквозь. У тебя слишком доброе сердце и чистая душа, я боюсь, что тебя обманут. Этот Чжоу Тун слишком глубокий и загадочный, держись от него подальше. Столько лет его семья не вспоминала о печати, а тут вдруг явился требовать ее обратно... Здесь явно скрыт какой-то умысел. Я знаю твое благородство, но предоставь это дело твоему второму дяде. Чжоу Да никогда не был праведником.

У Хань Цицина тяжело заняло на душе, но спорить со слепой бабушкой он не посмел.

— Я понял тебя, бабушка, — послушно кивнул он.

Тем временем Сяо Ли весело прыгал впереди Чжоу Туна, то убегая вперед на десяток метров и махая рукой, то возвращаясь назад и в шутку дергая его за невидимые нити ци. Настоящий бесенок.

Внезапно он повис вниз головой на ветке дерева прямо перед лицом Чжоу Туна.

— Как ты сразу понял, кто я? — сощурился лисенок. — Я ведь столетний дух, маскируюсь безупречно!

— По энергии ци, — коротко ответил Чжоу Тун. — У людей и демонов она разная.

— Вот как... — Сяо Ли на секунду задумался. — погоди! Даже бабушка не видит разницы в моей ци, как же ты смог? Тебе ведь от силы лет двадцать? Слушай, а может ты тоже скрытый оборотень? Признавайся!

Вдруг губы лисенка словно склеились невидимым воском. Он испуганно захлопал глазами, пытаясь разнять рот руками, но пальцы натыкались на пустоту. Сяо Ли жалобно уставился на Чжоу Туна.

«Зачем ты его обижаешь?» — мысленно спросил Чжоу Тун у Лин Юаня.

«Слишком шумный. Из-за его болтовни спать невозможно».

«Ты еще и спишь днем?» — удивился Чжоу Тун.

Лин Юань промолчал.

«Ладно тебе, не спи, давай поболтаем».

Тень в наконечнике алебарды вновь промолчала, но невидимые оковы с губ лисенка спали. Сяо Ли шумно вздохнул и со страхом уставился на пояс Чжоу Туна.

— Что... что это у тебя там такое?

— Ничего особенного, — улыбнулся Чжоу Тун. — Просто один ворчун, которого потревожили во время дневного сна.

Лисенок захлопал глазами, ничего не понимая. До самого конца пути он больше не проронил ни слова, держась на безопасном расстоянии в три метра.

У дверей гостевых покоев Сяо Ли все же решился заговорить, понизив голос до шепота:

— Насчет печати Чжоу Да... Кое-что я слышал, но доказать не могу, поэтому не стал болтать при бабушке.

— И что же ты слышал? — заинтересовался Чжоу Тун.

— Говорят, когда печать принесли в поместье, дядя Хань Чи тайно удерживал ее у себя больше года, и только потом велел Хань Цивэю вернуть ее вашей семье.

Запомнив эти слова, Чжоу Тун достал еще одну шоколадку и бросил лисенку. Тот ловко поймал ее пушистым хвостом прямо в воздухе и тут же с довольным видом принялся уплетать за обе щеки.

Хань Чи вернулся в поместье лишь спустя три дня.

Узнав об этом, Хань Цицин сразу же бросился разыскивать Чжоу Туна, но из-за задержки Хань Цивэй успел перехватить отца первым.

Хань Цивэй проскользнул в кабинет отца. Повесив голову и изобразив на лице крайнее раскаяние, он с порога выпалил:

— Отец, я виноват.

Хань Чи аккуратно отложил кисть, подул на свеженачертанный талисман и холодно спросил:

— Что еще стряслось?

— Отец... — Хань Цивэй осторожно заглянул ему в глаза. — Ты ведь помнишь Чжоу Да?

Рука Хань Чи дрогнула.

— Зачем ты поминаешь покойника? — недовольно спросил он.

— Его сын пришел к нам.

— Сын? — Хань Чи вспомнил юношу, которого привел Цицин. Так это наследник Чжоу Да? — И чего он хочет?

— Он... он пришел за Иньской печатью.

— За Иньской печатью? — Хань Чи мгновенно все понял. — Разве я не велел тебе вернуть ее семье Чжоу пять лет назад? Где она?

— Я... я...

— Говори! — Хань Чи с силой грохнул кулаком по столу.

Хань Цивэй испуганно рухнул на колени:

— Отец! Я виноват! Когда я впервые спустился с горы... меня обманули! Я продал эту печать!

Раздался оглушительный шлепок. Хань Чи ударил сына по лицу с такой силой, что тот отлетел в сторону. Обладая могучим телосложением, мужчина не поскупился на удар. В глазах Хань Цивэя поплыли золотые искры, из носа брызнула кровь, окрасив губы алым.

Сжавшись в комок на полу, он в ужасе смотрел на разъяренного отца.

Хань Чи наступил ему тяжелым сапогом на бедро и прорычал:

— Бестолочь! Сколько раз я говорил тебе: если замышляешь дурное, делай так, чтобы не оставалось улики!

— Отец... я виноват, виноват... — дрожал Хань Цивэй.

— И в кого ты такой идиот уродился! — в ярости цедил сквозь зубы Хань Чи. — На ту печать перед отправкой я наложил сильнейшее проклятие! Тот, у кого она окажется, обречен на мучительную смерть!

Хань Цивэй опешил:

— Отец, я... я не знал этого!

Хань Чи замахнулся для нового удара, но, взглянув на лицо сына, так похожее на лицо покойной жены, сдержался. Он убрал ногу, вернулся за стол и в сердцах швырнул стопку испорченных талисманов прямо в лицо Хань Цивэю.

Сделав несколько глубоких вдохов, он немного успокоился:

— Что за парень этот сын Чжоу Да? Сильный практик?

— Да не похоже... — пробормотал Хань Цивэй, утирая кровь. — Я пытался прощупать его по дороге. Обычный начитанный парень, знает теорию, но на деле — полный ноль. Все его знания — пустая книжная болтовня. Отец, раз уж он ничего не смыслит в ремесле, может, подсунем ему подделку?

Хань Чи смерил его таким презрительным взглядом, что тот осекся.

— Иньская и Янская печати неразрывно связаны и резонируют друг с другом. Раз этот сопляк осмелился прийти в дом Хань, у него наверняка с собой Янская печать. Стоит нам подсунуть фальшивку, как отсутствие резонанса выдаст нас с головой. Сами себе яму выроем.

— Что же тогда делать? — занервничал Хань Цивэй. — Если бабушка узнает, она ведь лишит меня права участвовать в Собрании Трех Великих Небесных Наставников!

— Теперь ты засуетился? — процедил Хань Чи. — Ничтожество.

Хань Цивэй испуганно молчал.

Немного подумав, Хань Чи произнес:

— О том, что печать была у тебя, знаем только мы двое. Мы можем просто стоять на своем и все отрицать. Однако... — лицо Хань Чи исказилось злобой, он закатал правый рукав, обнажая холодный протез из тусклой стали. — Чжоу Да при жизни лишил меня руки, и я так и не успел отомстить ему до его кончины. Раз его сынок сам пришел в мои руки, я сорву злость на нем!

— Отец... — сглотнул Хань Цивэй. — Что ты задумал?

— Твоя идея с подделкой не так уж плоха, — вернул себе прежнее ледяное спокойствие Хань Чи. — Но прежде чем отдать ему фальшивку, мы должны уничтожить его Янскую печать.

Хань Цивэй удивленно воззрился на отца.

— В ближайшие дни попытайся втереться к нему в доверие, — продолжил Хань Чи. — Раз он ничего не смыслит в магии, выманить у него Янскую печать будет проще простого.

Хань Цивэй радостно закивал, чувствуя, как гора свалилась с плеч.

— У меня сейчас есть дело поважнее, — добавил Хань Чи. — В корпорации «Фугэ» на Южном острове произошла серия загадочных смертей. Все погибшие сотрудники имели благословенную судьбу и должны были дожить до глубокой старости, но внезапно скончались... Я должен во всем разобраться, так что буду занят. Делом Чжоу Туна займешься ты. И помни! — тон Хань Чи стал угрожающим. — Даже пальцем не смей трогать Цицина. Ему предстоит унаследовать клан Хань, и это решение обсуждению не подлежит.

—... Слушаюсь, — нехотя выдавил Хань Цивэй, содрогаясь от зависти.

Когда Хань Цицин и Чжоу Тун подошли к кабинету, Хань Цивэй как раз выходил оттуда. Увидев гостей, он тут же попытался преградить им путь:

— Отец очень устал после долгой дороги и собирается отдыхать. Если у вас есть дело, скажите мне, я передам.

— Не стоит, — отрезал Хань Цицин. — Я хочу поговорить с дядей лично.

Он обошел кузена и постучал в дверь. Изнутри донесся глухой голос Хань Чи:

— Войдите.

Когда они проходили мимо Хань Цивэя, Чжоу Тун скользнул взглядом по багровому следу от пощечины на его щеке и с мягкой улыбкой заметил:

— Купи в аптеке мазь Юньнань Байяо, приложи компресс — быстрее сойдёт.

Лицо Хань Цивэя перекосило от злости:

— Премного благодарен.

Чжоу Тун лишь слегка улыбнулся и вошел в кабинет вслед за Хань Цицином.

Хань Чи сидел за письменным столом, делая вид, что увлечен работой. Чжоу Тун внимательно вгляделся в его ауру. На мужчине лежала едва заметная, но крайне зловещая печать смерти. Но поскольку за свою жизнь Хань Чи совершил немало грехов и обладал тяжелой, грозной энергетикой, подобно воину, прошедшему через сотни сражений, эта зловещая ци искусно маскировалась под его собственный темный шлейф. Чжоу Тун лишь на мгновение уловил эту странность, но она показалась ему весьма любопытной.

Хань Цицин заговорил об Иньской печати. Хань Чи изобразил удивление:

— Иньская печать? Насколько я помню, я поручил Сюй Линю вернуть ее вашей семье. Неужели он этого не сделал? Нужно будет расспросить его.

— Не стоит, дядя, — мягко прервал его Хань Цицин. — Сюй Линь погиб два года назад.

— Ах да, совсем вылетело из головы, — покачал головой Хань Чи.

Подобная ложь не удивила Чжоу Туна. Увидев след от удара на лице Хань Цивэя, он сразу понял, что отец просто покрывает сына.

Чжоу Тун не дал Хань Цицину продолжить расспросы. С мягкой улыбкой он обратился к Хань Чи:

— Отеческая любовь и забота — прекраснейшее чувство на свете. Жаль только, что мне этого уже никогда не познать. Не так ли, Цицин?

Хань Цицин растерялся от столь странной реплики, но вежливо кивнул.

Чжоу Тун тепло улыбнулся и уважительно поклонился Хань Чи, воспроизведя точный жест своего отца Чжоу Да. Внимательно вглядываясь в лицо мужчины, он тихо произнес:

— Не смею больше злоупотреблять вашим временем. Всего доброго.

Хань Чи молча проводил его тяжелым взглядом.

Лишь когда за гостями закрылась дверь, он глубоко вздохнул, чувствуя, как напряжение отпускает его тело. По какой-то причине в присутствии этого юноши его не покидало смутное ощущение, будто его видят насквозь. Неужели этот парень действительно сын Чжоу Да? Его манеры, выправка и ум явно превосходили Цивэя, но вот уровень духовных сил не дотягивал даже до начинающего адепта.

Подавив тревогу, Хань Чи решил, что Цивэй справится с этой задачей. Страхнув мысли о Чжоу Туне, он вновь погрузился в расчеты по делу корпорации «Фугэ», от которых у него уже раскалывалась голова.

— Прости меня, — заговорил Хань Цицин, стоило им отойти от кабинета. Юноша выглядел крайне расстроенным. — Я даже в такой малости не смог помочь. Я постараюсь разыскать родственников Сюй Линя, возможно, печать у них.

— Не стоит беспокоиться, — успокоил его Чжоу Тун. Он уже все понял, но не хотел втягивать Хань Цицина в семейные дразги, понимая, что реальная власть в клане принадлежит Хань Чи. — Давай пока отложим это дело. Поместье у вас просто чудесное, я бы с удовольствием погостил здесь еще немного.

— Правда? — глаза Хань Цицина радостно блеснули. — Тогда оставайся до самого Собрания Трех Великих Небесных Наставников!

— С удовольствием, — улыбнулся Чжоу Тун.

Вечером Чжоу Тун неожиданно получил приглашение на ужин от Хань Цивэя.

Решив, что это отличная возможность присмотреться к сопернику поближе, он без колебаний согласился.

Поскольку клан Хань был весьма состоятельным, пищу в поместье готовили повара, переманенные из лучших пятизвездочных ресторанов. Ужин проходил прямо в гостевом павильоне.

За столом Хань Цивэй то и дело подливал Чжоу Туну крепкий алкоголь. Тот пил чарку за чаркой, не выказывая ни малейших признаков опьянения. Хань Цивэй же быстро захмелел и стал то и дело отлучаться в уборную.

На самом деле всю крепость напитка мгновенно нейтрализовал Лин Юань.

«Какая посредственность, — ворчал дух в сознании Чжоу Туна. — И этот негодяй еще смеет хвастаться таким пойлом?»

«Ты уничтожил весь алкоголь, — мысленно вздохнул Чжоу Тун. — Я словно обычную воду пью».

«Хочешь поменяться местами? Чтобы ты с трех чарок под стол свалился?» — язвительно осведомился Лин Юань.

«Ну уж нет, вода тоже неплохо».

Лин Юань с явным удовольствием осушил очередную мысленную чашу.

Вернувшись в очередной раз, Хань Цивэй обнаружил, что бутылка коллекционного Маотая пуста. Его сердце облилось кровью. Заметив это, Чжоу Тун с невинным видом спросил:

— Есть еще? У меня сегодня отличное настроение, с удовольствием выпью с тобой еще пару чарок.

У Хань Цивэя затрещала голова, но он упрямо процедил:

— Конечно есть! Для дорогого гостя ничего не жалко!

Лин Юань, кажется, вошел во вкус:

«А этот парень крепок. Два раза бегал к тазу, а все еще держится. Наливай, не скупись!»

Чжоу Тун мысленно покачал головой:

«Ты как, в порядке?»

«А что со мной сделается? — фыркнул Лин Юань. — Подумаешь, пара капель. В прежние времена я мог осушить десять огромных чанов и даже не пошатнуться».

Чжоу Тун вздохнул:

«Точно пьян».

Изначально он планировал вывести у Хань Цивэя нужные сведения, но не ожидал, что Лин Юань так увлечется процессом. Хотя дух и контролировал ситуацию, Чжоу Тун не хотел рисковать его разоблачением.

Он решительно отодвинул чарку:

— Благодарю за гостеприимство, пожалуй, на сегодня хватит.

Хань Цивэй уже едва соображал. Он покачивался на стуле, ухватившись за бутылку, и заплетающимся языком пробормотал:

— Как... как это хватит? А... а как же печать? Я же еще должен... украсть твою Я-Я-Янскую печать...

Договорить он не успел и с глухим стуком повалился на пол.

Чжоу Тун повернулся к двери и громко произнес:

— Ваш хозяин уснул. Лучше унесите его поскорее, пока он не переполошил все поместье и не разбудил старую госпожу.

Затаившиеся за дверью слуги, которые должны были незаметно обыскать Чжоу Туна, испуганно замерли.

Чжоу Тун спокойно поднялся и отправился в свои покои отдыхать.

Ночью ему приснился странный сон.

Клубился густой туман, доносились чистые, возвышенные звуки цитры.

В древней пещере на каменном ложе полулежал величественный мужчина. Занавески плавно колыхались. Он небрежно перебирал струны лежащей рядом цитры.

Чистые, чарующие звуки внезапно прервались резким стуком в дверь и взволнованным криком слуги:

— Владыка! Бессмертный Ханьтянь во главе сотни сильных практиков прорвался через внешние рубежи!

— Вот как? — лениво отозвался мужчина. Он потянулся к чаше с фруктами, но обнаружил, что та пуста. Его брови недовольно сошлись на переносице: — А где мои духовные персики? Разве я не велел подать их к моему пробуждению?

— Священное дерево... сожжено пламенем огненного духа!

Мужчина холодно усмехнулся:

— Забавно.

В следующий миг он уже стоял за пределами пещеры. Десятки практиков парили в небе, сжимая в руках грозные артефакты и гневно взирая на него.

— Отдайте огненного духа, и я пощажу ваши никчемные жизни, — ледяным тоном произнес он.

— Дерзкий еретик! Твоим бесчинствам пришел конец! Сегодня мы отомстим за всех невинно убиенных!

Мужчина лишь презрительно сощурился. Золотое клеймо на его лбу вспыхнуло ослепительным светом, и волна чистейшей энергии мгновенно поглотила всех нападавших.

Чжоу Тун резко открыл глаза.

Вспомнив детали сновидения, он с улыбкой качнул Наконечник Бронзовой Алебарды на поясе. Из него на миг показался полупрозрачный силуэт Лин Юаня и тут же растаял.

— Ну надо же, спит без задних ног, — прошептал Чжоу Тун. — А меня посреди ночи едва не ослепило.

Уснуть он больше не смог. В груди билось странное, трепетное волнение.

Ему было безумно интересно узнать о прошлом Лин Юаня. Кто он? Кем был в прежние времена? И какая сила заставила столь могущественного духа оказаться заточенным в куске древней бронзы?

Утром Чжоу Туна разбудил пронзительный крик во дворе. Выбежав на улицу, он увидел, что из пруда с лотосами выловили безжизненное тело.

Осмотр показал, что несчастная погибла от удушья еще до того, как погрузилась в воду.

Но больше всего Чжоу Туна встревожила темная энергия, окутывающая труп.

Этот след смерти... Он был точной копией той ауры, что Чжоу Тун заметил на Хань Чи.

Погибшей оказалась юная родственница клана Хань, приехавшая погостить после сдачи экзаменов. Ей пророчили блестящее будущее и долгую, счастливую жизнь, но она безвременно скончалась в самом расцвете сил.

Чжоу Тун спросил у Хань Цицина ее дату рождения. Судьба девушки должна была быть безбедной и благополучной, за исключением небольшого кризиса в зрелом возрасте, который не угрожал ее жизни. Она никак не должна была умереть сейчас.

Конечно, судьба — штука изменчивая, но темная печать смерти на теле не оставляла сомнений: здесь поработал сильный практик.

Вскоре в поместье произошла еще одна трагедия.

Второй погибший также был отмечен печатью смерти, пусть и чуть более бледной. Оба несчастных обладали завидной судьбой, которая оборвалась на полпути, словно кто-то бесцеремонно украл их жизненные силы.

В поместье воцарился хаос. Но пока одни содрогались от ужаса, другие втайне потирали руки.

Хань Цивэй был вне себя от радости. Попытки украсть Янскую печать провалились, и он уже подумывал просто выгнать Чжоу Туна под благовидным предлогом. Теперь же судьба сама преподнесла ему идеальный шанс.

В поместье не было посторонних, кроме Чжоу Туна. На кого еще могли пасть подозрения? Оставалось лишь подлить масла в огонь.

И случай вскоре представился. Хань Цивэй первым обнаружил тело третьей жертвы.

Обладая некоторыми познаниями в магии, он быстро изготовил бумажного двойника и создал иллюзию, заставив случайного свидетеля поверить, будто тот видел убегającego с места преступления Чжоу Туна.

Свидетель тут же доложил обо всем старой госпоже Хань, и та, разгневанная чередой смертей, приказала привести подозреваемого к ней.

Чжоу Тун как раз изучал крупницу темной энергии, когда за ним пришли слуги.

В комнате присутствовали лишь старая госпожа Хань, Хань Цидин, обвинитель и притихший Хань Цивэй.

— Где ты был сегодня в шесть утра? — спросила старушка, не отрываясь от вышивания. Тон ее был обманчиво спокоен.

— Спал в своей комнате, — ответил Чжоу Тун.

— Однако свидетель утверждает, что видел, как ты в спешке покидал задний двор, — заметила она.

— И что же ты думаешь по этому поводу, госпожа Хань? — улыбнулся Чжоу Тун.

Старушка помолчала, прежде чем ответить:

— Твоя вина весьма вероятна.

— И как же, по-вашему, я это совершил?

— Мы нашли на месте преступления пепел от сожженной ивы! — торжествуяще выкрикнул Хань Цивэй. — Ива — дерево иньское, притягивающее нечисть! Это ты призвал злых духов, чтобы погубить наших людей!

— И зачем мне это делать? — спокойно спросил Чжоу Тун.

— Ты держишь обиду за то, что мы потеряли печать твоего отца, и решил отомстить!

Чжоу Тун пристально посмотрел на Хань Цивэя. В его глубоком, пронизательном взгляде читалась насмешка:

— А разве потеря печати — не вина клана Хань?

— Ты!.. — Хань Цивэй задохнулся от злости.

— Убийство невинных сокращает жизнь практику, — лениво протянул Чжоу Тун. — Я не настолько глуп, чтобы мстить подобным образом.

Хань Цидин поспешил вмешаться:

— Бабушка, я тоже уверен, что Чжоу Тун невиновен!

Старая госпожа Хань отложила ножницы и вздохнула:

— Я выслушала вас. Но Чжоу Тун — единственный чужак в нашем доме. Его дальнейшее пребывание здесь лишь усилит раздоры и подозрения. Цицин, если ты действительно желаешь ему добра, уведи его из поместья.

Решение старушки было логичным, и Чжоу Тун не стал спорить. Посмотрев на расстроенного Хань Цицина, он мягко улыбнулся:

— Ваша бабушка права. Я и так загостился у вас. С удовольствием спущусь с горы и проведу тетюшку Цю.

— Чжоу Тун... — тихо произнес Хань Цицин, чувствуя огромную вину.

Чжоу Тун вежливо попрощался со старой госпожой Хань, даже не удостоив взглядом сияющего от гордости Хань Цивэя. Но стоило ему открыть дверь, как он нос к носу столкнулся с толпой разгневанных членов клана.

— Это он? Он убийца?..

— Да точно он, больше некому...

— Чужак в доме — всегда к беде...

Чжоу Тун спокойно шел сквозь шепчущую толпу. Вдруг из-за декоративной горки раздался оглушительный рев. Земля содрогнулась, деревья затрепетали, и на дорожку перед ними с глухим стуком приземлился исполинский белобровый примат.

Толпа взорвалась криками:

— Это Великий бессмертный Фулун!

— Хранитель нашего клана явился!

— Фулун! Почтение Великому бессмертному!

Многие адепты тут же склонились в глубоком поклоне. Даже слепая госпожа Хань, которую Сяо Ли торопливо выкатил в кресле на веранду, взволнованно произнесла:

— Мы не виделись тридцать лет, Великий бессмертный все так же могуч...

Раздался грозный рык. Исполинский примат прервал ее приветствие, недовольно фыркнув старушке прямо в лицо. Пожалуй, он был единственным существом в поместье, кто мог позволить себе подобную дерзость.

Высказав свое недовольство, Фулун повернулся к Чжоу Туну. Он подошел ближе, шумно втянул воздух ноздрями, обнюхивая его одежду, а затем дружески, по-братски хлопнул юношу по плечу. От этого «легкого» хлопка Чжоу Тун покачнулся и сделал пару шагов назад. Стоило ему восстановить равновесие, как огромная лапа бережно потянулась к его голове и принялась осторожно перебирать волосы.

Чжоу Тун замер, не зная, как реагировать. Похоже, у этого древнего зверя были весьма своеобразные понятия о вежливости и дружбе.

<http://bllate.org/book/18246/1764711>